

В.В. Долгов

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

ПОЕДИНКИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В современной отечественной науке антропология войны изучается в гораздо меньшей степени, чем антропология детства, гендера или даже смерти. Точнее, работа ведется, но в основном силами энтузиастов – любителей исторической реконструкции. Но и они, уделяя большое внимание воссозданию «материальной части», оставляют духовную составляющую древней воинской культуры в стороне. Между тем осмыслить культурную основу мировоззрения воина, идущего в бой, – задача ничуть не менее важная, чем понять, как крепились пластины ламеллярного доспеха. Данная работа посвящена некоторым аспектам проблемы социально-антропологического изучения феномена поединка в воинской культуре Древней Руси.

Исследование источников по истории Древней Руси позволяет выделить поединки судебные (информации о них, пожалуй, больше всего); «потешные» (игровые, тренировочные) турниры; боевые поединки (перед началом массовых битв, где решались споры уже не между людьми, а между народами). Рассмотрим первый из этих трех видов. «Поле» – судебный поединок, существовавший на Руси с древнейших времен до XVI века. Его упоминают многие арабские авторы, писавшие о стране славян и руссов: Ибн Русте, ал-Марвази, Абу Саид Гардизи¹. К решению тяжбы боем обращались тогда, когда соперничавшие стороны представляли равные по убедительности доказательства (документы или свидетельские показания), и на их основании определить «правду» оказывалось невозможно.

Типичный вариант арабских сведений о поединках у славян можно прочесть в сочинении арабского географа X века Мутаххара ибн Тахира ал-Мукаддаси в книге «Китаб ал-бад ва-т-тарих» («Книга творения и истории»): «Рассказывают, что если рождается у кого-либо из них ребенок мужского пола, то кладут на него меч и говорят ему: «Нет у тебя ничего другого, кроме того, что приобретешь своим мечом». У них есть царь. Если он решает дело между двумя противниками, и его решение не удовлетворяет, то он им говорит: «Пусть дело решают ваши мечи». Тот, у кого меч острее, побеждает»². Учитывая, что большая часть текстов о руссах и славянах в арабо-персидской литературе носит

¹ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 302-305.

² Там же. С. 304.

компилятивный характер и восходит, вероятно, к нескольким не дошедшим до нас источникам, можно считать, что содержащаяся в них информация отражает реалии не позднее IX века.

Восточным авторам вторил византийский – Лев Диакон (X в.): «Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием»³.

Древнейшее упоминание о судебном поединке в русских источниках относится к XIII веку – это «Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом»⁴. Наиболее древние, но подробные, письменные фиксации правил поединка мы можем найти в «Псковской судной грамоте» (XIV в.), в Судебниках 1497 и 1550 гг. Весьма детально описал судебный поединок в своих записках и побывавший в России в начале XVI века с посольской миссией от германского императора немецкий посол Сигизмунд фон Герберштейн.

Серьезной проблемой является отсутствие всякого упоминания о поединках подобного рода в «Русской Правде» (РП) и вообще в законодательстве XI–XII вв. В.О. Ключевский выдвинул предположение, что причиной тому является церковное происхождение этого документа⁵. Утверждение это весьма сомнительно, поскольку вообще ордалии (испытание «Божьим судом». – В.Д.) в РП есть: «железо», «вода»⁶ (к ним церковь относилась тоже неодобрительно, это хорошо видно из поучения епископа владимирского Серапиона⁷), а «поля» – нет. Впрочем, в одном из списков РП – Мясниковском (конец XIV – начало XV в.) стандартная фраза: «То дати им правду железо» (ст. 21) выглядит так: «То дати им правду: с железом на поле»⁸. Быть может, именно такая формулировка ближе к изначальному древнему варианту. Не исключено также, что РП – запись славянского обычного права, не знавшего судебных поединков. Они, как известно, существовали в дружинной среде, жившей тогда по своим законам. Общей нормой этот обычай стал именно в то время, когда взаимопроникновение двух культур – славянской и скандинавской – стало полным. Впрочем, проблема отсутствия в «Русской Правде» упоминания о судебных поединках нуждается в дополнительном исследовании.

Судебный поединок всегда считался на Руси строго нормированным сражением. Существовали четкие правила, определявшие, кто и кого имеет право на него вызвать, какие условия необходимо при этом соблюдать. Псковская судная грамота и оба судебника

³ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 79.

⁴ Договор («Правда») Смоленска с Ригой и Готским берегом // Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. М., 1953. С. 55–75. Договор запрещал русским людям вызывать иностранцев на судебный поединок, если тяжба происходила на Руси, и одновременно запрещал иностранцам вызывать русского, если дело происходило в Риге или на Готском берегу («Русину не звати Латина на поле бится у Руской земли, а Латинину не звати Русина на поле битися у Ризе и на Готском березе»). При этом и русские, и «латины» могли биться между собой без ограничений. Нужно отметить, что в целом построение норм в тексте договора обнаруживает очевидную связь с «Русской Правдой».

⁵ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1993. С. 181, 182.

⁶ Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков: В 10 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 65.

⁷ Слова и поучения Серапиона Владимирского // Библиотека литературы Древней Руси. XIII в. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 380.

⁸ Русская Правда. С. 92.

предусматривали, что если человек в силу возраста, слабости здоровья или особенностей положения биться не может, он должен выставить вместо себя наймита-бойца.

В ст. 36 «Псковской судной грамоты» читаем: «А на котором человеке имуть сочисти долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наняти, а исцом целовати, а наймитом битись. А против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет»⁹. Эта правовая норма без особых изменений перешла в Судебники 1497 и 1550 гг.

Однако в том случае, если поединком проверялись свидетельские показания против женщины, ребенка, увечного или монаха, свидетель самолично должен был сразиться с наймитом, правда, если сам не женщина, ребенок, увечный или монах: «Статья 17. А если против послуха (свидетеля) ответчик будет стар, или мал, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, и тому против послуха наймит, а послуху наймита нет; а которой послух чем будет увечен безхитростно [т.е. не специально себя перед поединком изувечит, чтобы не биться], или будет в послухах поп, или чернец, или черница, или жонка, тем наймита наняты вольно ж. А что правому или его послуху учинится убытка, и те убытки имати на виноватом»¹⁰.

То есть человек, взявшийся свидетельствовать против слабого и беззащитного (пусть даже и виновного), должен был прежде серьезно подумать, стоит ли это делать. С точки зрения принципа законности это не очень правильно. По современным представлениям свидетель в суде должен иметь возможность отвечать по делу, ничего не опасаясь. Но, видимо, в те непростые времена было слишком много ложных доносов, особенно по политическим и имущественным делам. И создатели Судебника таким вот образом пытались остудить пыл особенно рьяных доносчиков: одно дело самому добиваться у должника своих денег (тогда против бойца-наймита встанет другой боец-наймит), а другое – доносить (и тогда против бойца-наймита придется встать самому – и тут уже только Божье покровительство сможет спасти истинно правого).

В остальных же ситуациях действовал принцип, согласно которому профессиональный воин мог сражаться только с равным себе, бить «небойца» он права не имел. Причем не потому, что это было для него слишком «низко» и поэтому оскорбительно, а исключительно для безопасности непрофессионала. Ведь если «небоец» все-таки настаивал на поединке, «боец» должен был сражаться: «Статья 14. А битися на поле бойцу с бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не битися; но если похочет небоец с бойцом на поле битись, то пусть бьется. Да и во всяких, делах бойцу с бойцом, а небойцу с небойцом, или бойцу с небойцом по небоицове воле на поле битися по тому ж»¹¹.

Примечательно, что в «Псковской судной грамоте» в том случае, если обеими «тяжущимися» сторонами в суде были женщины, выставлять вместо себя наймитов они не

⁹ Псковская судная грамота // Российское законодательство X-XX веков... Т. 1. С. 335.

¹⁰ Судебник 1550 года // Российское законодательство X-XX веков... Т. 2. М.: Юридическая литература, 1985. С. 100.

¹¹ Там же. С. 99.

могли, поэтому должны были драться сами. Причина этого понятна: мужчина, осознавая, что результат спора может напрямую отразиться на его жизни и здоровье, вынужден был вести себя осторожно. Женщины были поставлены в равные с мужчинами условия – им тоже приходилось вести себя осмотрительно, чего сложно было бы добиться, если бы спор женщин мог решиться единоборством мужчин. Средневековый Псков превратился бы в сплошное ристалище.

Бой проводился в специально отведенном и подготовленном для этого месте. Его подготовкой во времена Московской Руси занимался судебный пристав, называвшийся «недельщиком». Судебный поединок «поле» начинался с того, что оба участника целовали крест.

Проводились такие поединки с применением оружия. По свидетельству С. фон Герберштейна, на судебный поединок стороны «могут выставить вместо себя какое угодно другое лицо, точно так же могут запасть каким угодно оружием, за исключением пищали и лука. Обыкновенно они имеют продолговатые латы, иногда двойные, кольчугу, наручи, шлем, копье, топор и какое-то железо в руке наподобие кинжала, однако заостренное с того и другого края; они держат его одной рукой и употребляют так ловко, что при каком угодно столкновении оно не препятствует и не выпадает из руки. Но по большей части его употребляют в пешем бою»¹².

Доспехи побежденного доставались победителю. Если битва завершалась убийством противника, то, собственно, ничего, кроме этих доспехов, победитель и не получал. С теми же деньгами, которых, предположим, доискивался, он мог попрощаться: «А которому человеку поле будет с суда [присуждено], и став на поле, истец победит своего истца, ино ему взять чего взыскивал на истце, [но если это будет труп], то на трупе кун (денег) не имати, только ему доспех снята или иное что, в чем на поле вылез противник»¹³. Значит, проявить некоторую гуманность было в интересах победителя: только сохранив жизнь побежденному, он получал свои деньги.

Битва должна была проходить «один на один» – это одно из главных ее условий. Ни с одной из сторон в нее не могли вмешаться «болельщики», которым запрещалось иметь при себе и доспехи, и оружие (дубины и ослопы – окованные железом палицы). Очевидно, сдержаться порой было трудно. Недаром для вмешавшихся в поединок предусматривалось заключение в тюрьму. Особенно постороннее вмешательство было вероятно, когда на поединок сходились представители высших слоев общества. В Судебнике 1550 года содержится описание условий такового между окольным и дьяком. В случае необходимости и тот, и другой могли выставить хоть целую армию вооруженных боевых холопов, но в честном бою участие последних не допускалось¹⁴.

¹² Герберштейн С. фон. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. С. 120.

¹³ Псковская судная грамота... С. 335.

¹⁴ Судебник 1550 года... С. 99.

Если побежденного не убивали, его признавали проигравшим судебный процесс или виновным (в случае уголовного преступления). Соответственно, проигравший должен был выплатить долг, уступить земельный участок или понести уголовное наказание. Кроме того, на пострадавшего возлагались все расходы по уплате положенных судебных пошлин.

Церковь относилась к «полю» неодобрительно. Митрополит Киевский и всея Руси Фотий в своем послании новгородскому духовенству в 1410 году прямо запретил священникам причащать идущих на судебный поединок и хоронить по христианскому обычаю убитых. Тот, кто убивал своего противника, рассматривался как душегубец. Уголовному наказанию его, понятно, не подвергали, т.к. согласно светскому законодательству он был ни в чем не повинен, но накладывали епитимью – церковное наказание как на убийцу. Меры принимались самые серьезные: священник, причастивший или отпевший участника «поля», лишался сана¹⁵. Однако относительно поединков, в которых решалась судьба Руси и ее народа, церковь занимала иную позицию.

Были на Руси и «потешные» поединки (турниры). В оригинальных текстах русских летописей турниры именуются просто «играми». Подобное название имели копейные турниры и в европейских странах: Англии и Франции. Там в XI–XIV вв. использовался термин «хейстильд», что в дословном переводе означало «игра с копьем»¹⁶. Отношение к турнирам у русских летописцев было неодобрительное (как в целом к игровой составляющей культуры). Поэтому и упоминали о них в исключительных случаях, когда турнир оказывался «вплетен в ткань» исторических событий. Так, например, в Ипатьевской летописи (под 1249 г.) рассказывается о князе Ростиславе Михайловиче, выступавшем в качестве отрицательного героя. Этот Ростислав, осаждая г. Ярославль (в Галицкой земле, на р. Сан), похвалялся, что если б знал, где в этот момент находятся его главные враги – Даниил и Василько Романовичи, то выступил бы на них пусть даже всего с десятью воинами. Пока же местонахождение врагов было не ясно, и мастера в его войске готовили осадные орудия, решил поразвлечься военной потехой с польским воеводой Воршем: «Гогордящоу же ся емоу и створи игроу предъ градомъ, и сразивъшоуся емоу со Воршемъ, и падеся под нимъ конь, и вырази себе плече. И не на добро случися емоу знамение»¹⁷.

Ирония летописца, отметившего непомерную гордость князя, понятна: пока Ростислав развлекался, Даниил и Василько узнали о готовившемся штурме города и сами выступили против него. Ростиславу представилась возможность подтвердить хвастливые слова делом. Однако неуспех на турнире обернулся неудачей и в настоящем сражении – Ростислав не выдержал натиска и бежал с поля битвы.

Другое упоминание об «играх-турнирах» имелось в не сохранившемся летописном своде XV века – Троицкой летописи. Известие дошло до нас благодаря тому, что на него

¹⁵ 1410 августа 29 Послание митрополита о соблюдении законоположений церковных // Русская историческая библиотека. Памятники древнерусского канонического права. (Памятники XI–XV вв.) СПб., 1908. Т. 6. Ч. 1. С. 276.

¹⁶ Носов К.С. Рыцарские турниры. СПб.: Полигон, 2004. С. 9.

¹⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 801.

обратил внимание Н.М. Карамзин: «В 1390 году знатный юноша, именем Осей, сын великокняжеского пестуна, был смертельно уязвлен оружием в Коломне на игрушке, как сказано в летописи; сие известие служит доказательством, что предки наши, подобно другим европейцам, имели рыцарские игры, столь благоприятные для мужества и славолюбия юных витязей»¹⁸. В небольшой выписке, помещенной в примечаниях, говорится: «Лет. 6898... Тое же зимы по Рождестве Христове на третий день Осей Кормиличичь Князя Великого поколоть бысь на Коломне въ игрушке»¹⁹. Понятно, что само по себе летописное известие допускает разные трактовки, но соотнесение его с текстом Ипатьевской летописи позволяет согласиться с мнением Н.М. Карамзина. «Игра, игрушка» – это, несомненно, турнир.

Своеобразным подвидом игрового (но вместе с тем смертельно опасного) поединка было единоборство с медведем, описанное Дж. Флетчером. Этой «особенной потехой» развлекался царь. Для участника поединка (или участников), должно быть, веселого в этой затее было мало. Человек в огороженном пространстве выходил против зверя с одним копьём. Разъяренный медведь кидался на него. И тут все зависело от ловкости и выдержки: «В это время если охотник успеет ему всадить рогатину в грудь между двумя передними лапами (в чем, обыкновенно, успеваает) и утвердить другой конец ее у ноги так, чтобы держать его по направлению к рылу медведя, то, обыкновенно, с одного разу сшибает его. Но часто случается, что охотник дает промах, и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части»²⁰.

Отмечу, что в древнерусской христианской культуре судьба зародившихся еще в языческие праславянские времена трех видов поединков была различна. Судебные, не одобрявшиеся церковью, тем не менее культивировались государством, что и обусловило сохранение информации о них в письменных источниках, игровые оказались вне церковных и государственных отношений – сведений о них минимум. Особое место занимает самый важный для государства, церкви и общества в целом вид поединка – боевой. Он поэтизировался в древнерусском обществе, что, с одной стороны, несколько затрудняет возможность изучения фактической стороны дела (тактики, приемов и пр.), но с другой – позволяет лучше понять его мировоззренческую составляющую.

По древнему обычаю, когда встречались два войска, перед общей битвой могли устроить сражение двух воинов из противоборствующих станов. Наиболее древней формой такого единоборства была рукопашная борьба без оружия. На поединок выходили вожди или избранные лучшие богатыри от каждого войска. Самое первое упоминание такой битвы в русской летописи содержится в описании противостояния великого князя Владимира I Святославича набегам печенегов в 992 году. Знаменитое сражение Кожемяки с печенежским воином описано летописцем как чистая борьба: без оружия и без ударов: «И

¹⁸ Карамзин Н.И. История Государства Российского. Т. 5. СПб.: Типография Н. Греча, 1819. С. 239

¹⁹ Там же. Примечания. С. 146.

²⁰ Флетчер Дж. О государстве русском. М.: Захаров, 2002. С. 155.

размерившее межю обема полкама, пусиша я к себе и ястася и почаства ся крепко держати и оудави Печенезина в руку до смерти, и удари имь о землю»²¹.

Другое сообщение (под 1022 г.), где рассказывается о походе сына Владимира I князя Тмутараканского Мстислава на касогов, рисует нам уже несколько иную картину: рукопашная битва князей. Две рати, как обычно, встали друг против друга, но общее сражение заменили поединком вождей: «И ставишема обема полкома противу себе, и рече Редедя къ Мьстиславу: “Что ради губиве дружину межю собою, но сы идеве ся сама бороть, да аще одолееш ты, то возмеш именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою. Аще ли азъ одолею, то възму твое все”. И рече Мьстислав: “Тако буди”. И рече Редедя Мьстиславу: “Не оружьм ся бьеве, но борьбою”. И яста ся бороти крепко. И надолже борющемася има нача изнемогати Мьстиславъ: бе бо великъ и силен Редедя. И рече Мьстиславъ: “О, пречистая Богородица, помози ми, аще бо удолею сему, сзижю церковь во имя твое”. И се рекъ, оудари имь о землю. И вынзе ножь и зареза Редедю»²².

На первый взгляд может показаться, что Мстислав нарушил правила боя, применив нож. Это, однако, не так. Мстислав зарезал Редедю уже после того, как победил (бросил на землю). Оружейный поединок был заменен борьбой без оружия не для того, чтобы оставить сражавшихся живыми. Ни один из князей живым не отдал бы свою жену, детей и землю. Победенного не могла постичь иная судьба, кроме смерти. В обоих случаях в поединке сходились воины разных народов, однако язык ритуального поединка универсален. Это была общепонятная знаковая система – как, собственно, и любое сражение.

Немало смертельных поединков породила эпоха монголо-татарского нашествия на Русь в XIII веке. Образ погибающего в неравном бою единоборца (Евпатия Коловрата, Меркурия Смоленского) стал важным элементом «мотива героической гибели», характерного для литературы этого периода.

Образ богатырского единоборства оставался актуальным и тогда, когда период поражений сменился эпохой побед. Одним из центральных сюжетов «Сказания о Мамаевом побоище»²³ является битва русского монаха Александра Пересвета с татарским воином. Если верить «Сказанию», с этого поединка началась Куликовская битва (1380). Позднее происхождение памятника и явная сомнительность многих подробностей, сообщаемых в тексте, заставляют исследователей сомневаться в их достоверности²⁴.

Однако позднее происхождение источника не означает его недостоверность. Измышление сюжета «на абсолютно ровном месте» не вяжется с механизмом функционирования древнерусской литературы. Сам характер подвига Пересвета таков, что в обществе, культура которого включала полноценно функционировавшие механизмы устной

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 123.

²² Там же. Стб. 146, 147.

²³ Сказание о Мамаевом побоище // Памятники литературы Древней Руси. XIV – сер. XV в. М.: Художественная литература, 1981. С. 132-190.

²⁴ Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.) Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 274.

передачи информации, он не мог оказаться вне сферы фольклорной традиции. Роль письменности в древнерусском обществе XIV–XV вв. не стоит преувеличивать. Многие из того, что в наши дни сохраняется исключительно в письменной сфере, в малописьменную эпоху хранила народная память. В литературе Древней Руси отсутствовали целые жанры, например, любовная лирика, функции которой, по замечанию академика Д.С. Лихачева, выполнял фольклор. Существенная роль принадлежала последнему и в деле сохранения исторических знаний. Художественная специфика многих древнерусских произведений ясно указывает на то, что существование свое они начали в виде устных сказаний. Пассаж о Пересвете, ясно перекликающийся по стилистической организации с былинами и историческими песнями, – не исключение.

Кроме того, нужно учесть, что в литературе «Куликовского цикла», предшествовавшей «Сказанию», нет произведений, сравнимых с ним по степени детальности изложения. Плотность изначального летописного упоминания столь велика, что детали подобного рода там были просто невозможны. Поэтому, если бы у автора XV века возникла потребность их найти, он должен был обратиться прежде всего к устной традиции. Что, как свидетельствует «фольклорный колорит» сюжета о Пересвете, и было сделано. Впрочем, достоверность сражения Александра Пересвета с Челубеем все-таки остается недоказанной. Важно другое: поскольку никаких прямых литературных параллелей этому пассажи не выявлено, приходится считать, что летописец, описывая этот поединок, ориентировался на реалии (прежде всего мировоззренческие) своей эпохи.

Поединок, открывавший большое сражение, выступал в древнерусской культуре как ритуальное действие, разыгрывавшее будущую битву в миниатюре и служившее, кроме прочего, своеобразным гаданием о ее исходе. Именно поэтому единоборством часто все и заканчивалось. Вступить в битву после гибели лучшего бойца (что, несомненно, считалось дурным предзнаменованием) было страшно. Проигравшая сторона отступала, признавая себя побежденной. Память о таких поединках сохранялась в веках, запечатлевалась в летописях, воспевалась в народных песнях.

Так или иначе, исход любого поединка (судебного, игрового или боевого) древнерусским человеком связывался не только и не столько с боевым мастерством, сколько с волей высших сил. Очевидно, прочная убежденность бойца в том, что на его стороне правда, играла роль «морально-волевой подготовки» и в реальности весьма способствовала победе.

Об авторе:

Долгов Вадим Викторович – профессор кафедры дореволюционной отечественной истории исторического факультета ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», доктор исторических наук.